

---

## АЛЬТЕРГЛОБАЛИЗМ: В ПОИСКАХ ПОЗИТИВНОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ НОВОЙ ИМПЕРИИ

А. В. Бузгалин

*«... Так кто же они такие, “антиглобалисты”? На чьи деньги они проводят свои грандиозные форумы и манифестации? Чего они хотят? За что и против чего они выступают? Против глобализации? Но ведь это объективный процесс и бороться с ним – значит превращаться в луддитов XXI в. ...»*

*Так автор начал одну из своих первых работ по проблемам альтерглобализма пять лет назад. Тогда был впервые введен термин «альтерглобализм», указывающий на то, что мы выступаем не против глобализации, а за другую, альтернативную неолиберальной, глобализацию. Почему возникло это движение? Что стало объективной и субъективной основой его генезиса и развертывания? Ответы на эти вопросы следует искать прежде всего в процессе, не случайно названном глобализацией и все более связываемом с генезисом новой империи<sup>1</sup>.*

### 1. От неолиберальной глобализации к новой империи

#### 1.1. Глобализация и ее альтернативы

Глобализацию часто характеризуют как (1) нелинейный, неравномерный и противоречивый (ей противостоит локализация) процесс, при котором (2) мир превращается из системы национальных государств в арену борьбу глобальных игроков, а (3) их отношения становятся более значимыми, чем национальные. При этом многим кажется очевидным, что глобализация – это объективный процесс, синоним прогресса в новых условиях. Поэтому альтернатив развитию власти ТНК и МВФ, НАТО и ВТО нет и быть не может, а всякий, кто с этим не согласен – противник прогресса.

Альтерглобалисты согласны, что процесс объединения мира объективен. Но они категорически не согласны с тем, что единственно возможной формой этого процесса является всевластие глобальных игроков. Ведь последние десятилетия прошлого века стали периодом не просто глобализации, угрожающей суверенитету национальных государств, но особой, характерной для «позднего» капитализма (Э. Мандел), социальной формой этого процесса. За видимостью ренессанса рынка в конце XX века скрывается система отношений, которую А. Грамши мог бы назвать *тотальной гегемонией капитала*<sup>2</sup>. Парадокс состоит в том, что внешне

---

<sup>1</sup> И если в России и многих других странах периферии и полупериферии империю понимают как противостоящую им тотальную власть глобальных игроков во главе с США, то в «центре» ее часто трактуют то ли как добровольное присоединение к наиболее прогрессивной силе современности (Бжезинский и К<sup>о</sup> эту роль, естественно, отводят США), то ли как некое новое сетевое единство наднациональных институтов (эта позиция высказана, в частности, в нашумевшей книге А. Негри и Т. Хардта «Империя»).

<sup>2</sup> Авторская трактовка природы нынешней социальной системы дана в книге: Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. Глобальный капитал. – М.: УРСС, 2004.

ориентированный на атомизацию производителей рынок XXI века стал мощной тоталитарной системой, всесторонне подавляющей человека, – не как иерархическая пирамида, а как многообразное и внешне почти незаметное поле.

Глобальная власть капитала предполагает, **во-первых**, тотальный рынок. Это не рынок свободно конкурирующих предприятий, а *тотальный рынок как пространство борьбы гигантских сетей*, центрами которых являются ТНК. Мы все – работники, потребители, жители – попадаем в сети борющихся между собой корпоративно-сетевых структур, превращаясь в клиентов «макдональдсов», «поколение пепси» и в целом – в мешан-потребителей.

**Во-вторых**, гегемония капитала ныне – это преимущественно *власть виртуального фиктивного финансового капитала*, состоящего из гигантских (в сотни миллиардов и триллионы долларов) финансовых пузырей, надувшихся за счет спекуляций в первом мире, долгов, «асфальтирования» и финансового подавления стран второго и третьего миров.

**В-третьих**, глобальная гегемония капитала ныне предполагает не просто эксплуатацию, но и *целостное подчинение личности работника*. Творческий потенциал, талант, образование, вся жизнь работника присваивается корпорацией в первом мире; эти методы эксплуатации все более распространяются не только в третьем, но и во втором мире.

**В-четвертых**, происходит *монополизация первым миром ключевых ресурсов развития* – know how, высококачественной рабочей силы и т. п. – при поглощении подавляющей части природных ресурсов и экспорте грязных технологий и социальной «грязи» в третий и второй мир.

**В-пятых**, растет *глобальное политическое и идеологическое манипулирование, информационное и культурное давление*.

Для такой системы дымовой завесой является ренессанс рыночных отношений. Лишь в среде, которая внешне выглядит как рыночная, корпорации могут использовать свои возможности манипулирования и подчинения экономических агентов, потребителей и работников. При этом корпоративные капиталы могут уйти как от государственного регулирования, так и от контроля общественных организаций. В прежней системе государство, профсоюзы, экологические и другие общественные структуры создавали для них барьеры. Иллюзия абсолютной свободы рыночных отношений развязывает руки глобальным игрокам, для которых рамки государственного регулирования оказываются малодейственными.

*Однако ныне эта модель близится к закату и на смену ей идет новая система, наследующая все тотальности прежней и поднимающая их «на новую высоту».*

### 1.2. «Ультраимпериализм», «протоимперия» или...

Началом нового этапа стал день 11 сентября, о котором сегодня говорят как о феномене «9.11». Нас проблема «9.11» интересует как одно из свидетельств кризиса неолиберальной модели, господствовавшей на протяжении 80–90-х гг. прошлого столетия. Прежде чем квалифицировать произошедшие на рубеже XX–XXI вв. изменения, отметим их основные, эмпирически наблюдаемые черты.

Бросается в глаза появление на арене все более мощных глобальных игроков. Формирование гигантских корпораций, сравнимых по масштабам оборотов со средними, а в ряде случаев – и с крупными государствами, свидетельствуют об изменении природы капитала. Рубеж веков ознаменовался тем, что *транснациональные корпорации превратились в силу, сравнимую с силой государства, и стали освобождаться из-под контроля последнего в экономической сфере*. Новые пра-

вила международной конкуренции и свободного движения капиталов, с одной стороны, ослабление государства процессами приватизации и дерегулирования – с другой стороны, рост транснационального капитала – с третьей, привели к качественному поворотному пункту. Парадоксальной альтернативой ослаблению экономической роли государства стал небывалый рост геополитической и военно-политической мощи одного, особого государства – Соединенных Штатов Америки.

Сегодня военный бюджет США составляет сумму в 400 млрд долларов в год. Этих денег достаточно для того, чтобы как минимум в два раза повысить качество жизни беднейших слоев человечества или решить все базовые социально-экологические проблемы беднейших стран, включая проблемы голода, многих болезней, обеспечения для их жителей начального и среднего образования...

Знаменем эпохи, наступившей после 11 сентября, стала способность одной супердержавы самостоятельно решать такие геополитические проблемы, как мир, война, агрессия или ее прекращение. Мы уже стали свидетелями войн против Югославии, Афганистана, Ирака, которые начинали по своему желанию США совместно со своими сателлитами из НАТО.

Таково новое явление – *выход на арену прототиимперии – США, претендующих на роль своего рода «старшего брата» мирового сообщества.*

Свидетельством начавшихся изменений стало и постепенное *формирование иной идейно-духовной атмосферы и идеологической парадигмы.* Если прежде агрессивные акции опирались на либеральные идеологемы «свободного общества», защиту прав человека, свободу конкуренции, свободу слова и т. п., то ныне их оформление стало существенно иным. Это бросается в глаза при анализе речей Буша, являющихся квинтэссенцией работы огромной идеологической PR-машины. Они во многом сродни риторике тоталитарных лидеров, таких как Гитлер, Муссолини и их последователи. Лозунги об «исторической миссии по защите цивилизации»; «объективной необходимости взять на себя ответственность за сохранение ценностей цивилизованного мира»; оправдание насилия как главного средства защиты ценностей цивилизации; монополия на выражение этих ценностей без каких-либо сомнений в необходимости их обсуждения в режиме демократического диалога; циничное политическое и идеологическое игнорирование оппозиции... – перечень легко продолжить.

Часто зал встает и сопровождает выступление лидера овацией – даже если оставить в стороне воспоминания о дружных овациях после выступлений сталиных, брежневых и К<sup>0</sup>, видно, что это не просто единодушное одобрение, но тотальное подчинение обывателя и идеолога определенной государственно-политической стратегии.

### **1.3. Политическое манипулирование и локальные войны – на смену демократии**

Суть любых технологий состоит в том, что они позволяют привести объект к искомому состоянию при помощи некоторых средств. *Политические технологии решают ту же задачу – достижение заданного субъектом (номенклатурой глобального капитала) результата (голосов, отданных за нужное решение). Объектом является электорат, а «средствами производства» – масс-медиа, деньги, «административный ресурс» и т. п.*<sup>3</sup>

<sup>3</sup> Соответственно, здесь не может не возникать и определенной конкуренции: это конкуренция различных экономико-политических корпораций, осуществляемая при посредстве государства, но не демократические отношения между индивидами-гражданами, каждый из которых равен другому, обладая всегда и только одним голосом. В этом и состоит отличие демократии от рыночной конкуренции: на рынке, как известно, «голосуют» деньгами, денег у разных лиц разное количество, рука же всегда одна...

Процесс «политического производства» антидемократичен. Демократия основывается на том, что субъект политического процесса – это гражданин, способный принимать политические решения, обладающий равными правами с любым другим гражданином. Политические технологии предполагают нечто противоположное: индивид, субъект, гражданин заменяется пассивным объектом (электоратом), который в этом качестве выступает как некоторая масса – предмет манипуляций. Принятие решений гражданами заменяется производством результата, заданного теми или иными слоями номенклатуры, а «электорату» предлагается игра под названием «выборы».

Равенство прав граждан заменяется их неразличенностью, аморфностью (массовой, «тусовкой»).

Сказанное позволяет сформулировать **закономерность политического процесса общества, периода глобальной гегемонии капитала.**

Для современного общества характерна обратно пропорциональная связь между развитием демократии и массового политического производства (особенно интенсивным этот процесс становится в условиях образования «протоимперий»). Следствие из этой теоремы звучит еще более жестко.

**В современном обществе демократия отмирает в той мере, в какой эффективны политические технологии, PR и другие средства политикотехнологического манипулирования,** превращающие граждан-субъектов в пассивную массу-электорат (объект).

Меру отмирания демократии в современном обществе вполне могут определить профессионалы из сферы политтехнологий, оценив результативность своей деятельности (не конкретной «команды», а системы, по правилам которой все они играют). При этом сами политтехнологи ответственны за подрыв демократии не более, чем наемные экономисты-менеджеры – за власть корпоративного капитала а наемники-офицеры – за жертвы. Отношения массового политического производства – лишь одна из сторон политической гегемонии. Другой стороной является **глобальная система отношений насилия,** порождающая ряд **асимметричных войн** как одного из их слагаемых.

Глубинной основой терроризма и так называемых «миссионерских войн» (именно эту «пару» мы назвали «асимметричными войнами») является не «столкновение цивилизаций», а фундаментальные противоречия однополюсного мира, в котором власть принадлежит узкой группе глобальных игроков. На одном полюсе – субъекты протоимперии (прежде всего США), а также корпоративные структуры в странах второго и третьего миров, «пролонгирующие» власть своих «старших братьев». После разрушения мировой социалистической системы (МСС) мир оказался в положении, когда **массовое прямое сопротивление власти субъектов протоимперии становится практически невозможным.** Только эти субъекты обладают:

- финансовыми, материальными и высококачественными человеческими ресурсами (know-how, высококвалифицированные кадры), достаточными для воспроизводства современных систем насилия;
- почти полной монополией на оружие массового уничтожения и многие наиболее современные виды оружия;
- наиболее боеспособными и крупнейшими количественно армейскими соединениями;
- монополией на инновации в сфере вооружений, организации и управления аппаратами международного насилия и тому подобных сферах деятельности;

- системой секретных служб и информацией, позволяющими контролировать процессы возникновения любых возмущений в сложившейся системе гегемонии корпоративного капитала, его государств и международных союзов;
- контролем за глобальными институтами (ТНК, НАТО, МВФ и ВТО);
- контролем за институтами международного права (от Совета безопасности ООН до суда в Гааге) и/или возможностью безнаказанно ими пренебрегать.

В их руках находятся также механизмы гегемонии в области духовного производства (масс-медиа, информационные системы и стандартизованная масс-культура) и идейно-теоретического контроля (послушная и оплачиваемая «элита» интеллектуалов). Новые хозяева мира порождают новую метаструктуру, которую все чаще называют «империей», а я назвал бы «протоимперией», ибо процесс только начался и альтернативы еще существуют.

На противоположном полюсе – объекты гегемонизма, включая сотни миллионов рядовых граждан в развитых странах и миллиарды – в развивающихся, государственных и частные структуры капитала стран третьего мира (а также ряд «эксоциалистических» государств).

Формирование здесь корпоративно-клановых структур, монополий (часто зависимых от ТНК); нищета, бюрократизм и реликты докапиталистической эксплуатации; низкий уровень культуры и угнетение национального самосознания (в том числе – и с помощью масс-культуры); давление мирового корпоративного капитала, ослабляющего экономику, разрушающего природу, развращающего местную элиту, – все это создает новые угрозы мировому сообществу. **Нынешняя модель мировых отношений не может разрешить это противоречие.** «Свободная конкуренция» и открытые границы становятся идеальным механизмом подчинения стран второго и третьего мира.

Корпоративный капитал сохраняет «периферию», где консервируются существующие в современном мире доиндустриальные и «грязные» индустриальные технологии, где при нынешнем типе международных отношений будут сохраняться нищета и жестокие внутренние конфликты. Продуктом этих противоречий неолиберального типа глобализации, трансформирующегося в протоимперию, с неизбежностью становится перманентно воспроизводящаяся и усложняющаяся **система отношений насилия, охватывающих человечество в целом.**

Наркобизнес, торговля живым товаром и оружием, теневые финансовые операции – это такая же неотъемлемая изнанка глобального капитала, как коррупция – изнанка бюрократии. Терроризм – следствие иррациональной реакции на монополизацию насилия корпоративными структурами – становится действительной угрозой для человечества. Корпоративный капитал и его структуры, например секретные службы, сами систематически используют террор. Существует **глубинная взаимосвязь между глобальной гегемонией капитала и терроризмом.**

События первых лет нового столетия показали, что: *чем (1) глубже нищета и национально-культурное угнетение стран третьего мира (и, как следствие, развитие в них реакционно-фундаменталистских тенденций), чем выше при этом (2) уровень монополизации систем легитимного насилия и духовного подчинения третьего и второго миров субъектами глобальной гегемонии капитала, а также (3) мощь теневого транснационального капитала, тем больше, с одной стороны, опасность использования терроризма силами, противостоящими этой власти, а с другой – агрессивность субъектов гегемонии, «протоимперии».*

«Асимметричные войны» становятся совершенно особым типом насилия. Их характеризуют, во-первых, продолжение политики военными средствами со сто-

роны субъектов глобализации (США и Великобритания в войне с Ираком, Россия в войне с Чечней) и сопротивление глобальной гегемонии (как правило, с исторически реакционных позиций и неадекватными методами) со стороны объектов глобализации.

*Во-вторых*, различие средств и методов борьбы у противостоящих сторон, при их сходстве как в стремлении к «точечному» характеру ударов (и со стороны террористов, и со стороны государств, использующих «особо точное оружие»), так и по неадекватным результатам: уничтожаются преимущественно не виновники насилия, а мирное население и отнюдь не «точечно».

*В-третьих*, для этих войн характерно качественное различие сил у противостоящих сторон и, тем не менее, способности каждой из них оказывать реальное воздействие на противоположную сторону.

В асимметричных войнах зачастую отсутствует не только линия фронта, но и сколько-нибудь локализованный в пространстве театр военных действий. Для них характерна *точечно-сетевая структура военных действий* (как акты террора, так и «миссионерские» войны вспыхивают ныне практически в любых точках земного шара).

*Причинами* возникновения асимметричных войн являются развитие структур и отношений сетевого общества, *геоэкономическая и геополитическая противоречивость нового миропорядка* и такой феномен, как *диффузия вооружений и мирной продукции*. *Информационные сети* – это один из наиболее мощных современных видов оружия; ресурсом для террористических акций ныне может стать любой высокотехнологичный объект – от удобрений, добавленных в питьевую воду, до радиоуправляемых игрушек, превращаемых в средство доставки взрывчатки, которую, кстати, несложно произвести в домашней «игрушечной» лаборатории.

Очевиден *глобальный* характер этого точечно-сетевого насилия: в отличие от мировых войн *объектом насилия в современном мире потенциально становится любой гражданин любой страны*, более того – любая глобальная сеть или глобальный объект (воздух, вода, информация, культурные ценности мирового значения). И самое главное: очевидна *невозможность победы в таких конфликтах; остановить спираль насилия может лишь устранение ее причин – глобальной гегемонии капитала*.

Наблюдается все более напряженное противостояние расходящихся полюсов. С одной стороны, обывательское большинство подчиняется жесткой установке военно-идеологической борьбы с «нецивилизованным», «террористическим» миром-врагом; с другой – растет альтернативное движение протеста против неолиберальной глобализации и войн. Особенно активно проявляют себя разнообразные альтерглобалистские и другие массовые общественные организации, в выступлениях которых принимают участие сотни тысяч и миллионы человек. Происходящие изменения наводят на мысль о том, что хотя эпоха неолиберализма не завершилась, но уже вступает в период кризиса и заката.

#### **1.4. «Протоимперия» как исторический тупик**

Итак, мир движется от иллюзии восстановления свободного рынка, частной собственности и открытого общества, от иллюзии ухода в прошлое великих идеологий к осознанию власти протоимперии, к открытому оформлению господства глобальных игроков. Это знаменует начало перехода к новой системе, в которой, возможно, реализуется старая идея об «ультраимпериализме» (реколонизации). Термин «ультраимпериализм» был предложен Карлом Каутским и в свое время подвергнут критике В. Ульяновым, который опирался на тезис о возможности по-

беды социализма до того, как окончательно сформируются условия для становления ультраимпериализма, принципиальную возможность которого, кстати, большинство марксистов не отрицало.

История, как ни странно, подтвердила этот тезис. Парадокс XX в. состоял в том, что необходимость социализма была осознана еще на стадии империализма. *Мировая социалистическая система не случайно возникла в масштабах, охватывавших треть человечества, и просуществовала семь десятилетий*, показав достаточно высокие и устойчивые темпы развития, высокие достижения в области технологий, науки, образования, социальной защиты и культуры. *Но эти семь десятилетий существования МСС были обременены жесточайшими противоречиями и показали, что эта система не имела достаточных оснований для своего возникновения* и потому, по сути дела, оказалась мутантом, не давшим возможностей для движения к строю более экономически эффективному, чем капитализм, и более социально справедливому и свободному, чем так называемое «открытое общество»<sup>4</sup>.

«Реальный социализм» ознаменовался торжеством тоталитарной политической системы, массовым насилием и подавлением инакомыслия. Сегодня эти черты воспроизводятся возникающей в мировом масштабе глобальной протоимперией. *Уход в прошлое «мутантного социализма» ознаменовался не прорывом в новую, переходную к «царству свободы», эпоху и социальную систему, а реверсивным ходом истории, тенденцией к возникновению ультраимпериализма.*

Это может оказаться началом новой, достаточно длительной эпохи, для которой будут характерны тенденции:

- эволюции от видимости свободной мировой конкуренции к прямому диктату крупных корпоративных структур, сращенных с метагосударством;
- прямого наступления на институты демократии, гражданского общества, права человека и на «периферии», и в «центре» (так называемый «патриотический акт» в США – первая ласточка этого процесса);
- циничного использования «права силы» и методов реколонизации в геополитике;
- перехода к господству государственной («имперской») идеологии и давлению на инакомыслящих.

При этом ценности «цивилизованного мира» чем дальше, тем больше будут отождествляться с интересами хозяев «империи», и последние будут декларативно действовать, конечно же, исключительно в интересах «цивилизованного мира», (так сталинская номенклатура действовала «в интересах народа»). Всякое инакомыслие будет квалифицироваться как «попирающее ценности цивилизации». Насколько реальна угроза торжества этого опасного «мирового порядка» – сегодня судить трудно. В современной действительности присутствуют и альтернативные силы, о которых я буду говорить чуть ниже.

Кризис «реального социализма» оказался фактором позитивным, разрушающим авторитарную систему прошлого, но и сугубо негативным. Распад МСС породил предпосылки для торжества глобального капитала и формирования однополюсного мира и *расчистил дорогу для реверсивного хода истории*, идущего к ультра-империалистическому («имперскому») тупику. *«Империя» – это истори-*

<sup>4</sup> Подробнее диалектика противоречий, обусловивших генезис и крах «реального социализма», показана в моих работах «Ренессанс социализма» (М., 2003) и «Сталин и распад СССР» (М., 2004; совместно с А. И. Колгановым)

**ческий тупик.** Силами «протоимперии» траектория развития уводится в русло, противоположное задачам свободного гармоничного развития Человека в диалоге с природой. **Приоритетными для этого русла становятся милитаризм, финансовые трансакции, паразитическое перепотребление и массовая культура при росте и углублении глобальных проблем и конфликтов.** Аргументация этого положения достаточно хорошо известна (упомяну такие имена, как Н. Хомски, Э. Валлерстайн, С. Амин, Ф. Утар, Э. Туссейн и многие другие):

- закат неолиберализма *на практике* показал рост военных расходов и использование военного насилия для своих целей; имперская геополитика ориентирована на реколонизацию, подчинение слаборазвитых стран и вызывает усугубление глобального противостояния;

- глобальный виртуальный финансовый капитал (обороты которого превышают 500 триллионов – не миллиардов! – долларов в год) сопротивляется любым ограничениям; в этом его отличие от производственного капитала, обязанного соблюдать интересы работника, и от национального, способного обеспечивать социальную стабильность;

- общество потребления и его «массовая культура» способны генерировать лишь узкий слой «профессионалов», отчуждая большинство граждан от свободной творческой деятельности, превращая их в потребителей-конформистов, пассивные объекты манипулирования, для чего «империя» (в отличие от неолиберализма) не брезгает использовать и прямые методы политико-идеологического давления.

Все эти тенденции действуют против линии развития, ориентированной на развитие человеческих качеств, подлинной культуры, охраны природы. Можно ли при этом говорить о «прогессе»? Для постмодернизма смешон сам вопрос о критериях прогресса. Для неолиберализма же критерий очевиден: те, кого бомбят «наши» государства – регрессивны, а «наши» – прогрессивны и цивилизованы. «Плюрализм», бывший прикрытием этой циничной позиции, ныне постепенно отбрасывается за ненадобностью. Неолиберализм взрастил постмодернизм, и мало кто из постмодернистов не голосовал за правящие партии на выборах и не одобрял «гуманитарные миссии» США в Югославии, Афганистане и Ираке. Эта тенденция явственно проявляет себя в призывах к оправданию экспансии любых форм насилия, подавления инакомыслия и антидемократических, антигуманных акций, вплоть до развязывания войн под вывеской защиты ценностей цивилизации, под знаменем борьбы с терроризмом.

Этой тенденции противостоит в настоящее время достаточно широкий спектр оппозиционных сил. В качестве альтернативы наступлению глобальной власти капитала, тотального политико-идеологического манипулирования и оправдания насилия и развернулось движение, которое первоначально называли «антиглобалистским» и которое чуть позже обрело свое нынешнее имя – альтерглобализм.